

ЗИНАИДА ГИППИУС

СТИХОТВОРЕНИЯ.

1880–1903

Зинаида Гиппиус
Стихотворения. 1880–1903

«Public Domain»

1880–1903

Гиппиус З. Н.

Стихотворения. 1880–1903 / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1880–1903

«Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся, стихотворных сборников: нет, я думаю – она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто совершенно бесцельное и никому не нужное. Собрание, книга стихов в данное время – есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны...»

© Гиппиус З. Н., 1880–1903

© Public Domain, 1880–1903

Содержание

Необходимое о стихах	5
Песня	7
Посвящение	8
Отрада	9
Баллада («Сырые проходы...»)	10
Никогда	12
Бессилье	13
Снежные хлопья	14
Сонет («Не страшно мне прикосновење стали...»)	16
Цветы ночи	17
Гризельда	18
Однообразие	21
Иди за мной	22
Осень	23
К пруду	24
Крик	25
Любовь – одна	26
Сентиментальное стихотворенье	27
Ты любишь?	29
Надпись на книге	30
Родина	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Зинаида Гиппиус

Стихотворения. 1880–1903

Необходимое о стихах

Стихи мои я в первый раз выпускаю отдельной книгой, и мне почти жаль, что я это делаю. Не потому, что их написано за пятнадцать лет слишком мало для книги, и не потому, что считаю мою книгу хуже всех, без счета издающихся, стихотворных сборников: нет, я думаю – она и хуже, и лучше многих; но мне жаль создавать нечто совершенно бесцельное и никому не нужное. Собрание, книга стихов в данное время – есть самая бесцельная, ненужная вещь. Я не хочу этим сказать, что стихи не нужны. Напротив, я утверждаю, что стихи нужны, даже необходимы, естественны и вечны. Было время, когда всем казались нужными целые книги стихов, когда они читались сплошь, понимались и принимались. Время это – прошлое, не наше. Современному читателю не нужен, бесполезен сборник современных стихов. Это и не может быть иначе, и вина (если тут есть вина) лежит столько же на читателях, сколько на авторах. Ведь и те и другие – одинаковые дети своего времени. Ему подчиняясь, современный поэт утончился и обособился, отделился, как человек (и, естественно, как стихотворец), от человека, рядом стоящего, ушел даже не в индивидуализм, а в тесную субъективность. Именно обособился, перенес центр тяжести в свою собственность, и поет о ней, потому что в ней видит свой путь, святое своей души. Это может казаться печальным, но тут нет ничего безнадежного или мелкого; и опечаленных пусть утешает мысль, что это – современное, а все «современное» – временно. Неизбежная одинокая дорога, быть может, ведет нас, и в области поэзии, к новому, еще более полному, общению. Но возвращусь к тому, что есть.

Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. Форма зависит от способностей и наклонностей каждого. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. Поэзия, как определил ее Баратынский, – «есть полное ощущение данной минуты». Быть может, это определение слишком обще для молитвы, – но как оно близко к ней!

И вот мы, современные стихописатели, покорные вечному закону человеческой природы, молимся – в стихах, как умеем, то неудачно, то удачно, но всегда берем наше «свое», наш центр, все наше данное «я» в данную минуту (таковы законы молитвы); – виноваты ли мы, что каждое «я» теперь сделалось особенным, одиноким, оторванным от другого «я», и потому непонятным ему и ненужным? Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение, – отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное «свое» – другое, непонятна и чужда моя молитва. Сознание одиночества еще более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв и, зная, что все равно не сольемся в них ни с кем, – говорим, слагаем их уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя.

Некоторые из нас, стыдясь и печальясь, совсем оставляют стихотворную форму, как слишком явно молитвенную, и облачают иной, сложной и туманной, плотью свое божественное устремление.

Если есть где-нибудь один, кто поймет нашу молитву, – он поймет ее и сквозь печаль тумана. Но есть ли он? Есть ли чудо?

Я считаю мои стихи (независимо от того – бездарны они или талантливы, – не мне судить, да и это к делу не относится) – очень современными в данном значении слова, то есть

очень обособленными, своеструнными, в своеструнности однообразными, а потому для других ненужными. Соединение же их в одной книге – должно казаться просто утомительным. Книга стихотворений – даже и не вполне «обособленного» автора – чаще всего утомительна. Ведь все-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение автором данной минуты; оно вылилось – стихотворение кончилось; следующее – следующая минута, – уже иная; они разделены временем, жизнью; а читатель перебегают тут же с одной страницы на другую, и смены, скользя, только утомляют глаза и слух.

Но, повторяю, было время, когда стихи принимались и понимались всеми, не утомляли, не раздражали, были нужны всем. И не оттого, что прежние поэты писали прекрасные стихи, а теперешние пишут плохие; что толкуют о вырождении стиха, об исчезновении поэтических талантов! Исчезли не таланты, не стихи, – исчезла возможность общения именно в молитве, общность молитвенного порыва. Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов – всегда связано с устремлением молитвенным, религиозным, потусторонним, – с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительно поэтов – молитвы. Молитвенны стихи и прежних наших стихотворцев, – тех, в свое время принятых, понятных. Был и будет Пушкин; он принят навсегда, он был и будет нужен; его песни, он сам – как солнце; он вечен, всепроникающ, но, – как солнце, – неподвижен. То, что есть молитвы Пушкина, – не утоляет нашего порыва, не уничтожает нашего искания: он – не цель, не конечный предел, а лишь некоторое условие существования этого порыва, как солнце не жизнь, а только одно из условий жизни. Пушкин – вне времени, зато он и вне нашего пути, исторического и быстрого.

Но вот Некрасов, поэт во времени, любимый и всем в свое время нужный. И его «гражданские» песни – были молитвами. Но молитвы эти оказались у него общими с его современниками. Дрожали общие струны, пелись хвалы общему Богу. Каковы они были – все равно. Они замолкли и уже не воскреснут, как молитв-вословия. Но они звучали широко и были нужны, они были – общими. Теперь – у каждого из нас отдельный, сознанный или несознанный, – но свой Бог, а потому так грустны, беспомощны и бездейственны наши одинокие, лишь нам и дорогие, молитвы.

Есть и в прошлом один, нам подобный, «ненужный всем» поэт: Тютчев. Любят ли его «все», понятны ли «всем» его странные, лунные гимны, которых он сам стыдился перед другими, записывал на клочках, о которых избегал говорить? Каким бесцельным казался и кажется он! Если мы, редкие, немногие из теперешних, почуяли близость его и его Бога, сливаемся сердцем с его славословиями, – то ведь нас так мало! И даже для нас он, Тютчев, все-таки – из прошлого, и его Бог не всегда, не всей полностью – наш Бог...

Я намеренно не вхожу здесь в оценку величины и малости того или другого поэта. Вопрос о силе таланта не имеет значения для тех мыслей, которые мне хотелось высказать. Я думаю, явись теперь, в наше трудное, острое время, стихотворец, по существу подобный нам, но гениальный, – и он очутился бы один на своей узкой вершине; только зубец его скалы был бы выше, – ближе к небу, – и еще менее внятным казалось бы его молитвенное пение. Пока мы не найдем общего Бога, или хоть не поймем, что стремимся все к Нему, Единственному, – до тех пор наши молитвы, – наши стихи, – живые для каждого из нас, – будут непонятны и не нужны ни для кого.

З. Гиппиус

Песня

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.

И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,
Я умираю,
Стремлюсь к тому, чего я не знаю,
Не знаю...

И это желание не знаю откуда,
Пришло откуда,
Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

О, пусть будет то, чего не бывает,
Никогда не бывает:
Мне бледное небо чудес обещает,
Оно обещает,

Но плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

1893

Посвящение

Небеса унылы и низки,
Но я знаю – дух мой высок.
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, –
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать,
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, –

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю, слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки,
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки,
Но я верю – дух наш высок.

1894

Отрада

Мой друг, меня сомненья не тревожат.
Я смерти близость чувствовал давно.
В могиле, там, куда меня положат,
Я знаю, сыро, душно и темно.

Но не в земле – я буду здесь, с тобою,
В дыханьи ветра, в солнечных лучах,
Я буду в море бледною волною
И облачною тенью в небесах.

И будет мне чужда земная сладость
И даже сердцу милая печаль,
Как чужды звездам счастье и радость...
Но мне сознанья моего не жаль,

Покоя жду... Душа моя устала...
Зовет к себе меня природа-мать...
И так легко, и тяжесть жизни спала...
О, милый друг, отрадно умирать!

1889

Баллада («Сырые проходы...»)

Сырые проходы
Под светлым Днепром,
Старинные своды,
Поросшие мхом.

В глубокой пещере
Горит огонек,
На кованой двери
Тяжелый замок.

И капли, как слезы,
На сводах дрожат.
Затворника грезы
Ночные томят.

Давно уж не спится...
Лампаду зажег,
Хотел он молиться,
Молиться не мог.

– Ты видишь, Спаситель,
Измучился я,
Отдай мне, Учитель,
Где правда твоя!

Посты и вериги
Не Божий завет,
Христос, в Твоей книге
Прощенье и свет.

Я помню: в оконце
Взглянул я на сад;
Там милое солнце, –
Я солнцу был рад.

Там в зарослях темных
Меня не найдут,
Там птичек бездомных
Зеленый приют.

Там плачут сирени
От утренних рос,
Колеблются тени
Прозрачных берез.

Там чайки мелькают
По вольной реке,
И дети играют
На влажном песке.

Я счастлив, как дети,
И понял я вновь,
Что в Божьем завете
Простая любовь.

Темно в моей келье...
Измучился я,
А жизнь, – и веселье,
И правда Твоя, –

Не в пыльных страницах,
Не в тусклых свечах,
А в небе, и птицах,
И звездных лучах.

С любовью, о Боже,
Взглянул я на все:
Ведь это – дороже,
Ведь это – Твое!

1890

Никогда

Предутренный месяц на небе лежит.
Я к месяцу еду, снег чуткий скрипит.

На дерзостный лик я смотрю неустанно,
И он отвечает улыбкою странной.

И странное слово припомнилось мне,
Я всё повторяю его в тишине.

Печальнее месяца свет, недвижимей,
Быстрее мчатся кони и неутомимей.

Скользят мои сани легко, без следа,
А я всё твержу: никогда, никогда!..

О, ты ль это, слово, знакомое слово?
Но ты мне не страшно, боюсь я иного...

Не страшен и месяца мертвенный свет...
Мне страшно, что страха в душе моей нет.

Лишь холод безгорестный сердце ласкает,
А месяц склоняется – и умирает.

1893

Бессилье

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью – над небесами, –
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов.

1893

СНЕЖНЫЕ ХЛОПЬЯ

Глухим путем, неезженным,
На бледном склоне дня
Иду в лесу оснеженном,
Печаль ведет меня.

Молчит дорога странная,
Молчит неверный лес...
Не мгла ползет туманная
С безжизненных небес –

То вьются хлопья снежные
И, мягкой пеленой,
Бесшумные, безбрежные,
Ложатся предо мной.

Пушисты хлопья белые,
Как пчел веселых рой,
Играют хлопья смелые
И гонятся за мной,

И падают, и падают...
К земле всё ближе твердь...
Но странно сердце радуют
Безмолвие и смерть.

Мешается, сливается
Действительность и сон,
Всё ниже опускается
Зловещий небосклон –

И я иду и падаю,
Покорствуя судьбе,
С неведомой отрадою
И мыслью – о тебе.

Люблю недостижимое,
Чего, быть может, нет...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свет!

Твое дыханье нежное
Я чувствую во сне,
И покрывало снежное
Легко и сладко мне.

Я знаю, близко вечное,
Я слышу, стынет кровь...
Молчанье бесконечное...
И сумрак... И любовь.

1894

Сонет («Не страшно мне прикосновение стали...»)

Не страшно мне прикосновение стали
И острота и холод лезвия.
Но слишком тупо кольца жизни сжали
И, медленные, душат, как змея.
Но пусть развеются мои печали,
Им не открою больше сердца я...
Они далекими отныне стали,
Как ты, любовь ненужная моя!

Пусть душит жизнь, но мне уже не душно.
Достигнута последняя ступень.
И если смерть придет, за ней послушно
Пойду в ее безгорестную тень: –
Так осенью, светло и равнодушно,
На бледном небе умирает день.

1894

Цветы ночи

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Темны, теплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, –
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, –
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листы...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер...
Всё таинственно, всё неверно...
И мне тихий чудится спор.

Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги, за мною следят.
Всё, что думаю, – знают, слышат
И меня отравить хотят.

О, часу ночному не верьте!
Берегитесь злой красоты.
В этот час мы всех ближе к смерти,
Только живы одни цветы.

1894

Гризельда

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельды светлоокой
Стучит веретено.

В покое отдаленном
И в замке – тишина.
Лишь в озере зеленом
Колышется волна.

Гризельда не устанет,
Свивая бледный лен,
Не выдаст, не обманет
Вернейшая из жен.

Неслыханные беды
Она перенесла:
Искал над ней победы
Сам Повелитель Зла.

Любовною отравой,
И дерзостной игрой,
Манил ее он славой,
Весельем, красотой...

Ей были искушенья
Таинственных утех,
Все радости забвенья
И всё, чем сладок грех.

Но Сатана смирился,
Гризельдой побежден.
И враг людской склонился
Пред лучшею из жен.

Чье ныне злое око
Нарушит тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уехал на войну?

Ряд мирных утешений
Гризельде предстоит;
Обняв ее колени,
Кудрявый мальчик спит.

И в сводчатом покое
Святая тишина.
Их двое, только двое:
Ребенок и она.

У ней льняные косы
И бархатный убор.
За озером – утесы
И цепи вольных гор.

Гризельда смотрит в воду,
Нежданно смущена,
И мнится, про свободу
Лепечет ей волна,

Про волю, дерзновенье,
И поцелуй, и смех...
Лепечет, что смиренье
Есть величайший грех.

Прошли былые беды,
О, верная жена!
Но радостью ль победы
Душа твоя полна?

Всё тише ропот прялки,
Не вьется бледный лен...
О, мир обмана жалкий!
О, добродетель жен!

Гризельда победила,
Душа ее светла...
А всё ж какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой муж далеко,
И помнит ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя в плену.

И сердце снова жаждет
Таинственных утех...
Зачем оно так страждет,
Зачем так любит грех?

О, мудрый Соблазнитель,
Злой Дух, ужели ты –
Непонятный Учитель
Великой красоты?

1895

Однообразие

В вечерний час уединенья,
Уныния и утомленья,
Один, на шатких ступенях,
Ищу напрасно утешенья,
Моей тревоги утоленья
В недвижных, стынущих водах.

Лучей последних отраженья,
Как небывалые виденья,
Лежат на сонных облаках.
От тишины оцепенья
Душа моя полна смятенья...
О, если бы хоть тень движенья,
Хоть звук в тяжелых камышах!

Но знаю, миру нет прощенья,
Печали сердца нет забвенья,
И нет молчанью разрешенья,
И всё навек без измененья
И на земле, и в небесах.

1895

Иди за мной

Полувядавших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.

Мир – успокоенной душе моей.
Ничто ее не радует, не ранит.
Не забывай моих последних дней,
Пойми меня, когда меня не станет.

Я знаю, друг, дорога недлинна,
И скоро тело бедное устанет.
Но ведаю: любовь, как смерть, сильна.
Люби меня, когда меня не станет.

Мне чудится таинственный обет...
И, ведаю, он сердца не обманет, –
Забвения тебе в разлуке нет!
Иди за мной, когда меня не станет.

1895

Осень

Длиннее, чернее
Холодные ночи,
А дни всё короче,
И небо светлее.
Терновник далекий
И реже и суше,
И ветер в осоке,
Где берег высокий,
Протяжней и глуше.
Вода остывает,
Замолкла плотина,
И тяжкая тина
Ко дну оседает.
Бестрепетно Осень
Пустыми очами
Глядит меж стволами
Задумчивых сосен,
Прямых, тонколистных
Берез золотистых, –
И нити, как Парка,
Седой паутины
Свивает и тянет
По гроздьям рябины,
И ласково манит
В глубь сонного парка...
Там сумрак, там сладость,
Всё Осени внемлет,
И тихая радость
Мне душу объемлет.
Приветствую смерть я
С бездумной отрадой,
И муки бессмертья
Не надо, не надо!
Скользят, улетают –
Бесплотные – тают
Последние тени
Последних волнений,
Живых утомлений –
Пред отдыхом вечным...
Пускай без видений,
Покорный покою,
Усну под землю
Я сном бесконечным...

1895

К пруду

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть,
Я не умею жить с людьми.

И знаю, с ними – задохнусь.
Я весь иной, я чуждой веры.
Их ласки жалки, ссоры серы...
Пусти меня! Я их боюсь.

Не знаю сам, куда пойду.
Они везде, их слишком много...
Спустишь тропинкою отлогой
К давно затихшему пруду.

Они и тут – но отвернусь,
Следов их наблюдать не стану,
Пусть обман – я рад обману...
Уединенью предаюсь.

Вода прозрачнее стекла.
Над ней и в ней кусты рябины.
Вдыхаю запах бледной тины...
Вода немая умерла,

И неподвижен тихий пруд...
Но тишине не доверяю,
И вновь душа трепещет, – знаю,
Они меня и здесь найдут.

И слышу, кто-то шепчет мне:
«Скорей, скорей! Уединенье,
Забвение, освобождение –
Лишь там... внизу... на дне... на дне...»

1895

Крик

Изнемогаю от усталости,
Душа изранена, в крови...
Ужели нет над нами жалости,
Ужель над нами нет любви?

Мы исполняем волю строгую,
Как тени, тихо, без следа,
Неумолимую дорогою
Идем – неведомо куда.

И ноша жизни, ноша крестная,
Чем далее, тем тяжелей...
И ждет кончина неизвестная
У вечно запертых дверей.

Без ропота, без удивления
Мы делаем, что хочет Бог.
Он создал нас без вдохновения
И полюбить, создав, не мог.

Мы падаем, толпа бессильная,
Бессильно веря в чудеса,
А сверху, как плита могильная,
Слепые давят небеса.

1896

Любовь – одна

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь – одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем – но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна – любовь одна.

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И всё ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896

Сентиментальное стихотворенье

Час одиночества укромный,
Снегов молчанье за окном,
Тепло... Цветы... Свет лампы томный –
И письма старые кругом.

Бегут мгновения немые...
Дыханье слышу тишины...
И милы мне листы живые
Живой и нежной старины.

Истлело всё, что было тленьем,
Осталась радость чистоты.
И я с глубоким умиленьем
Читаю бледные листы.

«Любовью, смерти неподвластной,
Люблю всегда, люблю навек...»
Искал победы не напрасно
Над смертью смелый человек.

Душа, быть может, разлюбила –
Что нам до мимолетных снов?
Хранит таинственная сила
Бессмертие рожденных слов.

Они когда-то прозвучали...
Пусть лжив торжественный обет,
Пускай забыты все печали –
Словам, словам забвенья нет!

Теснятся буквы черным роем,
Неверность верную храня,
И чистотою, и покоем
От лжи их веет на меня.

Живите, звуков сочетанья,
И повторяйтесь без конца.
Вы, сердца смертного созданья,
Сильнее своего творца.

.....
Летит мгновенье за мгновеньем,
Молчат снега, и спят цветы...
И я смотрю с благоговеньем
На побледневшие листы.

1896

Ты любишь?

Был человек. И умер для меня.
И, знаю, вспоминать о нем не надо.
Концу всегда, как смерти, сердце радо,
Концу земной любви – закату дня.

Уснувшего я берегу покой.
Да будет легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цепи звенья...
Но злая жизнь меня свела – с тобой.

Когда бываем мы наедине –
Тот, мертвый, третий – вечно между нами.
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою – обо мне.

Увы! в тебе, как и, бывало, в нем,
Не верность – но и не измена...
И слышу страшный, томный запах тлена
В твоих речах, движениях, – во всем.

Безогненного чувства твоего,
Чрез мертвеца в тебе, – не принимаю;
И неизменно-строгим сердцем знаю,
Что не люблю тебя, как и его.

1896

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я всё уединенное,
Неявное люблю.

Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

Родина

В темнице сидит заключенный
Под крепкою стражей,
Неведомый рыцарь, плененный
Изменою вражей.

И думает рыцарь, горюя:
«Не жалко мне жизни.
Мне страшно одно, что умру я
Далекий отчизне.

Стремлюся я к ней неизменно
Из чуждого края
И думать о ней, незабвенной,
Хочу, умирая».

Но ворон на прутья решетки
Садится беззвучно.
«Что, рыцарь, задумался, кроткий?
Иль рыцарю скучно?»

Тревогою сердце забилося,
И рыцарю мнится –
С недоброю вестью явилась
Недобрая птица.

«Тебя не посмею спугнуть я,
Ты здешний, – я дальний...
Молю, не цепляйся за прутья,
О, ворон печальный!

Меня с моей думой бесплодной
Оставь, кто б ты ни был».
Ответствует гость благородный:
«Я вестником прибыл.

Ты родину любишь земную,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.